

ное и нужное, и я воспринимала все. Причем, он начал очень сложно - пятый класс, он начал алгебру, геометрию, потому что к пятому классу мы вроде бы должны были пройти арифметику, а я из арифметики знала только самые азы. Во всяком случае он говорил, что у меня самые большие способности к математике. И когда я была уже взрослой, я ужасно жалела, что не стала математиком. Он считал, что это главная моя будущность, хотя думаю, что нет.

- Какая это была школа, обычная советская школа?

- Обыкновенная сельская школа, семилетка. На Украине в то время не было ни десятилетки, ни девятилетки, там было семь классов, и все это было полное образование. В России, по-моему, было уже иначе, а на Украине были только семилетки. Потом вы могли идти в профшколу, которая уже давала образование, потом были техникумы, которые были выше профшколы. Образование, сколько я себя помню, вечно подвергалось реформам. Никогда не знали, что будет на следующем году, какая будет еще реформа, и что еще придумают, но тогда я это не очень понимала - воспринимала как норму. Или можно было идти на рабфак, если у вас было семь классов или четыре класса, уже после четырех классов принимали на рабфак. Если вы работали, вы могли поступить на рабфак и пойти в вуз. Люди, у которых было что-то неблагополучно с происхождением, должны были иметь рабочий стаж. И вот сестра Бори - он уже потом стал для меня Борей, после.. нет, еще и до войны он уже был для меня Боря, - ее четыре года не принимали в вуз, и она работала уборщицей, но она потом кончила вуз, но четыре года у нее набирался стаж, потому что у них какое-то не то было происхождение, а я так толком и не знаю, кто у него

*took it
all as
normal*

57:05
↑
19-29

1922-
1927
wandering

были родители, меня это никогда не интересовало, поэтому я и никог-
да его не спрашивала; кто был его отец, я не знаю. Так вот, это был
какой-то очень переломный год. И я проучилась в пятом классе год,
и мать, по-видимому, уже получила полную амнистию, полное прощение.
С двадцать второго по двадцать седьмой мы так вот мотались по де-
ревням, жили в ужасных условиях. Она получила разрешение, и ее ото-
звали в Одессу опять; она получила, по-видимому, амнистию, как я
теперь понимаю, и мы переехали опять в Одессу.

Moves to
Odessa
in 1927

- В двадцать седьмом?

- Да, наверное, в двадцать седьмом. И я отучилась один год в
пятом классе в Овидиополе, а потом мы переехали в Одессу. Тогда уже
там началась украинизация, и мама отдала меня в украинскую школу.
До этого я никакого отношения к украинскому языку не имела, потому что
на Одесшине никто не говорил по-украински, это был не украинский
город, это был русский город, в немецкой колонии говорили по-немец-
ки, а в деревнях говорили на странной смеси с украинизмами, но это
не был украинский язык.

- А какой народ был, украинский или смешанный? Это в восточной
части?

- Нет, это юго-запад.

- Это смесь с польским?

- Нет, там был свой жаргон южный; нет, польского там не было,
польский был еще западнее.

- Что это значило украинизация?

- Началась украинизация, и мать меня отдала в украинскую шко-
лу, и очень предусмотрительно. Она сказала, что русский я буду знать

и так. И надо сказать, что меня привезли на Украину, вообще на юг, когда мне было восемь лет, ^я я сохранила русский язык - чистый у меня язык, очень; и когда ~~я~~ я поступила в институт на Украине, то уже на первом курсе я преподавала старшим курсам русский, потому что преподавателей не было, будучи первокурсницей, настолько я сохранила язык. У меня не было никакого акцента. Надо сказать, что украинский я знала так же как русский, и говорила тоже без всякого акцента - русского.

- Это не трудно говорить и по-русски, и по-украински, ведь они все-таки похожи?

- Нет, не очень, они сильно разнятся. Украинский гораздо более древний язык, исконный славянский. Русский очень много, по-видимому, от Византии взял и от церковно-славянского, а украинский гораздо чище и ближе к славянскому языку. Нет, не трудно. И уже потом когда я жила в Ленинграде, если я слышала украинское слово, то ловила себя на том, что дальше уже думаю по-украински. Понимает^е мне было совершенно безразлично украинский или русский, но они у меня никогда не путались - я навсегда сохранила чистый русский язык. В этой украинской школе мать - кем же там была мать? Ей Богу, не знаю, кем она там работала... В НАРОБРАЗе, что ли?

- Она и там работала день и ночь?

- Она всегда так работала, потому что это были какие-то собрания, доклады где-то; то с женской работой, по раскрепощению женщин. Я во все это не вникала и не знаю, где она тогда работала, забыла или не знала. У меня уже с ней к этому времени был мир. В шестом классе, когда я училась, я поехала к Боре в Овидиополь. На

note
found on
difference
between
Russian &
Ukrainian

каникулы мать меня ~~жизни~~ отпустила. Он ужасно был недоволен моим приездом. Не знаю почему. Он был человек сложный, а может я тревожила его. Не знаю, я уже стала как-то в это время созревать, я думаю, может быть, поэтому. Я его никогда потом не спрашивала, почему он был так недоволен. Мы вместе провели три дня, он опять читал стихи... И он всегда ставил передо мной задачи, над которыми я должна была много думать: нравственные или интеллектуальные.

А когда я была уже в седьмом классе, он уже отработал свои два года - тогда надо было отработать два года - и вернулся тоже в Одессу и познакомил меня со своим другом, который учился в Институте истории искусств в Ленинграде. Это был лучший институт, который был потом разогнан, как гнездо формалистов. Самые видные литературоведы, формалисты в основном, читали там и, так сказать, образовывали этот институт. И я попала сразу в среду очень высоко литературную, то есть я росла уже с Пастернаком, с Мандельштамом, уже в тринадцать лет. Поэтому школа в моей жизни не играла вообще никакой роли. Я ни одного человека не помню из своей школы, кроме парочки ненавистных учителей. Да, это была какая-то неприятная, скучная обязанность - училась я очень плохо. Я любила стереометрию, планimetriю, а все остальное меня не интересовало. Матери звонили и говорили, что у меня будут все двойки. А я потом как-то подтягивалась, потому что я была очень способная и как-то вылезала, но меня это все совершенно не интересовало. У меня был уровень и интересы совершенно другие, чем у ребят. Я никак с ними не соприкасалась, это опять было то же самое, я была вне общества, и почему-то так было всегда.

Pasternak
at 13

- А были у вас сверстники приятели?

- Нет. У меня чаще всего бывала какая-нибудь подружка - по-секретничать, ну всякие там девчонские дела. Но это было очень проходяще, а вот что бы была компания ребят, нет, я никого не помню. Не было, я жила в совершенно другом мире; я читала Верхарна, я читала Метерлинка, я была...

- Была замкнута?

- Нет, я была вполне общительна. Кроме того, я была страшная хулиганка, и осталась хулиганкой. Тогда я, например, подговаривала девочек на ужасно хулиганские вещи. Например, я уговорила одну девочку разыграть ее родителей - очень мещанский дом был такой, я не знаю, кто они были. Отец был, наверно, бухгалтер, что-то такого рода, добродетельная такая семья. Так вот, я уговорила ее рассказать родителям, что у меня в детстве на глазах повесили всю семью, и я из-за этого сошла с ума, но потом снова стала нормальной, но у меня бывают припадки помешательства. И я разыгрывала такой припадок помешательства: открывала буфет, забирала печенье, и что-то еще, с дикими глазами, рыча и скаля зубы. Забирала, а потом мы с ней это ели. И еще как-то, у другой девочки дома не было родителей, и я уговорила еще двух девочек: давайте все вместе закричим. Мы издали страшный вопль, а это Одесса, и мгновенно собралась толпа. Они даже не поняли, что орали мы втроем, по команде. Казалось, что это душераздирающий крик женщины. В Одессе моментально собирается толпа. И мы только думали, как бы нам выскочить незаметно, потому что уже по лестнице побежали искать. И нам удалось выскользнуть и смешаться с этой толпой, которая уже обсуждала, что произошло, в какой квартире. Ну вот такие штуки я выделяла.

Deviltry

Причем я была заводилой, неисчерпаемая была фантазия.

- А вы помните, как выглядела Одесса тогда? Это была смесь разных народов?

- Одесса была тогда совершенно неповторимый город. Во-первых, там была масса иностранцев. Вообще, Ленинград - очень большой порт, вероятно, больше, чем Одесса, а тем не менее порт для Ленинграда ничего не значит, он существует отдельно, хотя он в пределах города. Но город не был портовым городом, он жил чем-то другим, а Одесса - это порт, в те годы, во всяком случае. Это новье моряки на Дерибассовской, это покрашенные проститутки мужского и женского пола, это вечные разговоры о кокаине, который назывался марафет.

- Люди принимали наркотики в те времена, это не новая проблема, как нам, американцам, кажется. Потом с этим было покончено: во-первых, прекратилось общение с иностранцами.

- А какая была атмосфера?

- Страшный был контраст, потому что была безработица, это разделение на разбогатевших и бедных...

- Это было еще при НЭПе?

- Именно НЭП и разделил людей, потому что потом все обнищали, кроме постепенно формирующегося класса партийно-бюрократического аппарата. Это позже произошло и постепенно. А вот тогда были эти нэпманы, которых я, конечно, классово ненавидела, и это было вообще мерзкое зрелище: они были сыты, они ездили на шикарных личачах, где все было затянато сеткой, чтобы ни грязь, ни снег не попадали на сидаков, на пассажиров.

- И было сразу видно, что это нэпманы?

Вермен

How Russian
hate this
if they see other
down well
at... and to...
ind. 6

- Да, да, это были откормленные, наглые бабы, накрашенные.

В то же время галстук у работающего мужчины считался мещанством.

- А нэпманы носили галстуки?

- А черт их знает, думаю, что носили. Я не знакома была с ними.

- А в городе Одессе можно было купить продукты на рынке?

- Конечно!

- Свободно?

- Да, все было. Хотя не всё было доступно, правда, продукты были доступны. Уровень жизни был низкий. Но были рестораны, где кутили нэпманы и растратчики - вот что еще было. Были какие-то тресты, и вот кассир становился растратчиком. Были игорные дома. Вероятно, тайные все-таки. Город цвел. Но вот я помню, Боря уже приехал в это время, и мы с ним куда-то шли... Они вообще очень много со мной возились эти два друга. Это они меня сделали такой, какая я потом стала.

- А вы уже тогда начали спорить с мамой насчет коммунизма?

- Нет, я тогда была пионеркой, пионеркой идейной, но это как-то легко совмещалось с тем, что я любила Пастернака и Мандельштама. Правда, они сами были тогда вполне советские люди. Это был взлет, это были еще двадцатые годы, до начала коллективизации.

- А был какой-то взлет, энтузиазм?

- Да, был.

- Настоящий?

- Да, настоящий. То есть, я не знаю, у кого-то был, у кого-то нет. Были люди, которые сформировались до революции, и они ничего не приняли и вполне понимали, что идет что-то ужасное; один из

таких вот был Булгаков, он ничего не принял никогда, понимаете;
Замятин был такой, но я тогда ничего этого не знала.

- А Боря тоже был такой верящий в коммунизм?

- Да, он позже вступил в партию, стал секретарем парторганизации Одесского университета, и у него были ужасные столкновения, душевные. Когда он приехал в Ленинград после войны, тогда, когда стали громить Пастернака, которого он боготворил, а он был секретарем парторганизации, так он спешно лег в больницу - он был довольно больной человек - он немедленно лег в больницу, чтобы не участвовать в погроме, который он должен был возглавлять.

- Конец двадцатых годов прошел для вас с мамой довольно спокойно?

- Пожалуй, да. В тридцатом году я кончила школу, семь классов; по-моему, достаточно плохо. Я не помню, какие у меня были отметки. Училась я вообще плохо. И поступила в химпромшколу. Мне тогда было пятнадцать лет, а кончила я школу в четырнадцать. А осенью мне уже исполнилось пятнадцать, и я поступила в химпромшколу.

- Что это за школа?

- Химическая промшкола.

- Чтобы стать химиком?

- Да никем я не хотела стать, просто надо было куда-то деваться. Химией я не занималась совсем.

- Скучный предмет, правда?

- Да нет, вообще это всё мне было ни к чему, да и учителя были плохие. Да я и не занималась там почти, и меня бы, наверно, выгнали довольно быстро, но я даже не дождалась конца четверти,

1930
finished
school

Zhitomir

27.

потому что ^{уже} вовсю шла коллективизация, горели крестьянские восста-
ния, и ЦК Украины перебросило мать в Житомир для укрепления партий-
ных кадров приграничных районов, такая была формулировка. Там она
стала работать в обкоме, там это был окружком, потому что на Укра-
ине были округа, а не области. И вот там начались мои расхождения,
потому что, то, что говорилось и то, что делалось - а я была вос-
питана на прекрасной литературе, которая, по-видимому, была глав-
ным в моей жизни и формировала меня, и такие два абстрагированные
два мальчика, тогда они были для меня взрослые люди, а на самом
деле это были мальчишки, им было по двадцать или двадцать одному
году, прекраснодушные, воспитанные на символистах и как-то по-
верившие в прекрасное строительство коммунизма - и вот, то, что я
видела... я как-то с самого начала коллективизации начала понимать,
что то, что происходит, это ужасно.

- А вы видели своими глазами коллективизацию?

- Нет, коллективизацию я своими глазами не видела. Там хим-
профшкола уже не было, там был керамический техникум.

- В Житомире?

- Да, в Житомире. А мать сразу вооружили наганом и отправили
на коллективизацию, ездить по области.

- А чем именно она занималась, вы знали?

- Одно время она ведала политпросветом, ну, может, не полит-
просвет это называлась. Я уж не знаю всех этих должностей. В городе
у нее всегда было два зарезервированных места в любом зрелищном
месте: в кино, в цирке, который приезжал, в театре, который приез-
жал в Житомир - там не было своего постоянного театра, но труппы

А
И
Д
А
?

сменялись все время. И конечно, она не ходила - она была вечно занята, а ходила я, и была очень довольна. Так что я тогда переслушала все оперы, все оперетты, а в цирк вообще ходила каждый день, по-моему. Да, потому что мы жили против цирка, летнего - шапито. Опер в то время не ставили, и только люди, которые знают, что я не склонна врать, поверят мне, что я слушала Аиду... Приехала труппа - по-моему, это был тридцать первый год - они привезли "Батерфляй", между прочим, очень хорошие голоса были в этой провинциальной разъездной труппы; и они спели "Аиду". Вы помните хорошо "Аиду"?

- Довольно хорошо

- Там же кончается тем, что их замуровывают. А у них восставший народ отваливает этот камень, выходят Аида с Радамессом, ему вручают красное знамя, и народ идет на штурм дворца. Я это видела своими глазами, и так впервые это увидев, я считала, что так и должно быть. И только потом узнала, что это не так. Очень тревожное было время, ужасное.

- И какие различия вы сами заметили?

- Мгновенное обнищание, падение уровня жизни - общее. Не стало ни мануфактуры, есть стало нечего, уже нечего.

- И отношения между людьми ухудшились, потому что некоторые стали называться кулаками?

- Наверное, но я этого не знала. Я знала, что стали закрывать мелкие лавчонки, в частности это было плохо для нас, потому что была такая еврейская пара, которая держала лавочку, а мы у них всегда в долг брали, в кредит. Их постепенно прижимали, у них была побольше лавочка, а потом они уже стали у себя в комнате торговать,

остатками, очевидно, а потом их вообще прикрыли. А в магазинах были карточки, но эти карточки ничего не обеспечивали. Это были не те карточки, которые ввели потом и которые рано или поздно отоваривались; они, конечно, тоже не всегда отоваривались вовремя, поэтому существовал такой анекдот, когда однажды после войны сразу же - тогда были карточки - в мае пошел снег.

- Это бывает?

- Да, это бывает. Так вот говорили, что это Бог отоваривает январские карточки. А эти карточки были такие: если в магазине что-то было, у тебя могли вырезать талон, но государство никаких обязательств на себя не брало, что оно обязательно должно их отovarить. Рынок стал бедным ^сразу же. Мяса было еще довольно много - скот резали. Я недавно где-то прочитала, что немцы угнали и истребили на оккупированных территориях - занята была почти половина России - миллион голов скота, а за годы коллективизации было уничтожено восемнадцать миллионов голов.

ration
cards

Nazis
vs.
Collecti